

ИВАНОВ — ЧЛЕН ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
(ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И СОВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА)

Николай Котрелев

Безысходный историзм нашего культурного сознания говорит нам, что всякая публикация исторического источника, по природе своей, — прежде всего памятник *нашей* деятельности, ученой или неученой, источник для суждения о *нас*, и только потом, сквозь нашу работу с памятником — открывается (если открывается) более отдаленное прошлое. Таким образом, всякая публикация, по крайней мере, двуслойна. Труды историков — только бесконечное умножение призм, разрастание единой преломляющей среды, органической частью которой является и всякий впервые или вновь публикуемый памятник.

Вот простой пример как минимум трехслойной публикации: на первый взгляд — это первая публикация моей давней, очень давней работы. Она предназначалась для сборника тезисов студенческой конференции в Тартуском университете, помнится в 1969 г.; сборник должен был получиться хорошим, еще лучше, взрослее и содержательнее, чем предыдущие, но цензура его зарубила. Отважный и вредный Г. Суперфин каким-то образом заполучил в свои руки цензурный экземпляр, испещренный цензорскими пометками, и часть с моим сообщением отдал мне. Теперь я публикую именно этот экземпляр, как *единый* документ, в котором моя работа четвертьвековой давности — всего лишь одна составная часть.

“Содержание” ее замысла и воплощения оставляю нетронутыми (и если бы я переписал старое сообщение, как было бы воспроизвести цензорские бессловесные, но столь красноречивые пометы?). Она должна была стать второй публикацией *источников* к жизнеописанию Вяч. Иванова, после выдержек из дневников М. С. Альтмана и моей же статьи “Вячеслав Иванов — профессор Бакинского университета”, соединенных под обложку одного выпуска ученых записок Тартуского университета незабвенной З. Г. Минц. Напеча-

тать статью критическую, хотя бы просто уважительно исследующую смысл ивановского творчества (и всех остальных символистов, кроме Блока, да и то в безобразно искажающей перспективе) — было невозможно. И думать об этом, казалось, нельзя. Счастливая и исключительная судьба попустила С. Аверинцеву напечатать в “Вопросах литературы” и в сомнительном ивановском выпуске “малой серии” “Библиотеки поэта” действительно хорошую статью о Вяч. Иванове. Однако она случайно, но мудро останавливалась на разборе первых двух книг поэта, не коснувшись Иванова более позднего, все чаще и чище, откровеннее говорившего о вере, церкви, Христе (потому и сомнительно была книжка в “малой серии”, что в ней Иванов оказался совсем и только декадентом, ницшеанцем, соблазном). Статья Аверинцева и факт появления ивановской книги в советской стене бреши не пробили, до самой перестройки серьезное и ответственное “свое” об Иванове печатать было нельзя. Мое же сообщение готовилось и вовсе до выступления Аверинцева. Открыт был только другой честный, но узкий путь — публикация архивных материалов. В ней было больше пафоса и был он иным, чем это бывает в архивистских розысканиях и публикациях, ведущихся в нормальные времена и в нормальных условиях. Что пафос первооткрывательства, азарт поиска, виртуозность обработки материала! Нами двигало и это. Однако главный смысл нашей работы был в другом: мы понимали, что только так, через архивный материал получает общественное бытие иное историческое время, нашему противопоставленное, соединением с которым вопреки законам нашего века мы только и можем жить в достойной человека истории. Тут корень нашей усидчивости в архивах, стилистика наших примечаний в архивных публикациях (совсем не сразу пришел и в нашу среду трезвый расчет на профессиональный успех и житейские выгоды от такой работы).

Сегодня я оформил бы этот архивный материал иначе.¹ Но ра-

¹ Прежде всего нужно было бы добавить мемуарные свидетельства, в частности, И. Н. Розанова (*Литературные репутации*, Москва 1990, с.437-438, впервые “Литературная Россия” 1970, 20 ноября), Л. В. Ивановой и др. Особая тема — история коммунистического “железного занавеса”, запрета на выезд из захваченной большевиками России. Прозорливый Г. Суперфин уже тогда, в 1969 г. подталкивал меня в этом направлении: на обороте последней страницы моей рукописи его “завлекающее” меня сообщение: “В РО ГПБ (ф. Вяч. Иванова) есть отрывок черновика его письма В. И. Ленину 1920 г. с

курса, в котором видятся публикуемые документы, эти дополнительные сведения не изменили бы. Поэтому я отказываюсь от нового яруса примечаний.

Другая часть публикуемого документа — цензорская работа. Ее я публикую сырьем, без комментариев. Цензорский карандаш густо раскрасил сообщение, которое я, готовя его, считал невинным, с цензурной точки зрения, как она мне представлялась. По плотности раскраски могу предположить, что именно моя публикация была одним из главных поводов к запрету сборника (а причина была общая — власти нужно было его закрыть, как и всю деятельность русской кафедры ТГУ, и Лотмана, и Минц, и Суперфина, и всех прочих учащихся и учащих этой кафедры).

Три карандаша “читали” мое сообщение: простой, красный и синий. Подчеркивание простым, там где они совпадают с одним из цветных, последними перекрыты. Значит, “простой карандаш” читал первым. Его пометы сравнительно немногочисленны, но четко выклеивают те пункты, по которым материал представлялся советскому глазу сомнительным или вредным. Можно подумать, что это — рука доносчика, нештатного цензора, обращающего внимание штатного, но менее грамотного на места, требующие суда: характерная единственная словесная справка на полях против имени Бальмонта: “эмигрант” (не могу догадаться, почему это слово подчеркнуто тем же простым карандашом; в цензуру был подан корректурный экземпляр, на его полях многочисленные поправки разных рук — студенты сами вели всю техническую работу по сборнику; среди этих помет есть и простой карандаш, хотелось бы верить, что им водила не та рука, которая работала на цензора).

Цветные карандаши буквально препарируют текст. Они высвечивают все, что бросает тень на ‘легендарные’ годы торжества советской власти и на эту власть. Даже умирать от холода и голода в революционной Москве не хорошо, тем более стремиться из нее уехать, спасая детей. (Не могу не вспомнить, как страховалась от цензуры некто О.К.Логинова, редактор издательства Наука, не пустившая в печать другую мою архивную публикацию тогда же в конце 60-ых годов. Я хотел издать письма М.Л.Лозинского к А.К.Джи-

просьбой о выезде”. Сравнительно скоро после того в печати появились (ЛН) соответствующие документы Ленина и Луначарского, но цельной и верной истории мы не имеем и сегодня.

велегову, документирующие работу великого переводчика над “Божественной комедией”. Лозинский из Елабуги пишет в Москву, что голодает, и просит не денег, не хлеба или консервов, а бумаги, чтоб переписать начисто “Рай”. “Я этого не могу пропустить – голод, страдания, мы ведь готовим юбилейную публикацию”, – говорит редактриса. – “Но ведь это – мера героизма, самопожертвования, человеческого величия”, – пытаюсь воззвать к правде я. – “Вы еще молодой человек, а я двадцать лет работаю редактором и хочу спокойно дослужить до пенсии”, – отрезает та с самодовольным и бесстрашным цинизмом. И. Ф. Белза, позвавший меня в юбилейные “Дантовские чтения”, защищать мою публикацию не стал – слишком, видно, силен был аргумент редактрисы. Публикация писем Лозинского сгнила в моем столе, света не увидав. Лет через десять, когда я, уже небезвестным литературоведом, столкнулся с О.К.Логиновой в издательстве, ее не узнав, она с веселостью мне напомнила: “А ведь мы с вами давно знакомы”. А еще лет через пять строила мне пакости при издании “Изборника” А. Блока, ушла же на пенсию только в “перестройку”, переработав пенсионный срок не вдвое ли, да и то, кажется, ушла потому только, что издательство развалилось.

Итак, что раздражало цензора — само собой понятно, сегодняшним читателям (прежде всего очевидно, что цензорам не давала покоя фигура Бальмонта). Будущие исследователи сами выработают методы интерпретации такого рода материалов. Эта публикация предлагает им всего лишь транскрипцию цензорских помет. Красный и синий карандаши принадлежат, скорее всего, одному читателю: до середины почти рукописи (машинописи-отпуска перепечатки для ротопринта) употреблялся только красный карандаш, за двумя исключениями, затем в четырех строках — два цвета накладываются друг на друга и далее используется только синий; рисунок отчеркиваний на полях у обоих карандашей совпадает. Поэтому подчеркивания и синим, и красным карандашом я передаю одним способом, выделяя соответствующие места курсивом. Подчеркивания простым карандашом передаются с помощью разрядки. Слова, подчеркнутые и простым, и цветным карандашом набираются курсивом в разрядку. В моем тексте и в самих документах были свои подчеркивания, и те и другие передаются ниже подчеркиваниями. Все остальные неографические особенности оригинала, отражающие его пребывание в цензуре, передаются с помощью словесных примечаний.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ — ЧЛЕН ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ²

(публ. Н. Котрелева, Москва)

Печатаемые документы о связи Вяч. Иванова с ОЛРС на сегодня исчерпывают тему: другие пока неизвестны. Хронология их — достаточный, по-моему, комментарий в рамках ^аизбранной темы. Однородность и естественная композиционная целостность материала *позволили нам отказаться от привычного критического аппарата*, как бы ни было заманчиво в примечаниях затронуть важнейшие вопросы, возникающие при^а чтении публикуемого. Да и множество возможных (и необходимо пространнейших — при полной почти неизвестности биографии Вяч. Иванова) примечаний в два, если не в три, раза ^бувеличило бы объем публикации. *Мы предполагаем когда-нибудь, по мере открытия фактов и появления соответствующих^б возможностей, специально осветить обширные проблемы биографии и творчества Вяч. Иванова, которые требовали бы разъяснений при обнародовании нижеследующих документов: работа поэта над переводами Эсхила и — шире, тема: Вяч. Иванов и античность (кстати, на почве классических штудий возникли, кажется, впервые отношения между Вяч. Ивановым и А. Е. Грузинским — см. их переписку 1911 г.); Иванов — руководитель поэтических семинаров в первые пореволюционные годы и т.д. Считаем, однако, уместным именно здесь привести отрывок из письма О. А. Шор (O. Deschartes), лучше чем кто бы ни было осведомленной в ивановских делах (одновременно мы горячо благодарим О.А.Шор за участливое отношение к нашим разысканиям). Это свидетельство, интересное для биографов Вяч. Иванова и само по себе, удачно ^взамыкает “сюжет” публикации: “.. Вес-*

² Заглавие статьи подчеркнуто красным.

^{а-а} На правом поле три строки отчеркнуты красным.

^{б-б} На правом поле две строки отчеркнуты красным.

^{в-в} На правом поле четыре строки отчеркнуты красным.

ной 1920 г. несколько видных писателей получили разрешение на время выехать в Западную Европу. Тогда и состоялось то “прощание” Общества любителей российской словесности, о котором вы пишете.^в Бальмонт уехал первым, и едва переехав границу разразился *невежливым выступлением* (этот факт широко известен; однако, из публикуемого выступления К. Д. Бальмонта ясно, что никакой *неожиданности*^д в его поведении не было - *Н.К.*). ^гВ ответ на это все остальные писатели были лишены их *заграничных паспортов*. Вяч. Иванов надеялся, что Швейцария и Ривьера восстановят здоровье его тяжело больной жены.^г ^еОтказ был для него большим ударом. Ему обещали отправить больную в его сопровождении на юг России. Вера Константиновна (Иванова-Шварсалон – *Н.К.*) умерла в Москве в августе^е того же года. Разрешение на отъезд было получено и, *боясь для детей своих голодной и холодной зимы в Москве*, Иванов выехал с ними на Кавказ. Поселились они трое (Вяч. Иванов, его дочь Лидия и сын Дмитрий) в Кисловодске. Но ^жчерез месяц весь край стал ареной военных действий; В. И. с семьей эвакуировали в Баку...”^ж

Все публикуемые документы хранятся в РО ГБЛ, ф. 207 (ОРЛС); дальше указываются только номера картонов и единиц хранения.

1. Письмо В. И. Иванова А. Е. Грузинскому³

Зубовский б<ульвар> 25

24. IV. 1915

Глубокоуважаемый Алексей Евгеньевич,

Имею честь заявить на обращенный Вами ко мне запрос, что я совершенно согласен на баллотировку мою в члены Общества Любителей Российской Словесности.

^д Слово “неожиданность” взято в кружок красным.

^{г-г} На правом поле три строки отчеркнуты синим.

^{е-е} Три строки на правом поле отчеркнуты сначала красным, потом синим.

^{ж-ж} Две строки на правом поле отчеркнуты красным.

³ К. 32, ед. хр. 10. Запрос А. Е. Грузинского не обнаружен.

Примите уверения в моем совершенном уважении и преданности

Вячеслав Иванов

2. В заседании ОЛРС 25. IV. 1915 был оглашен следующий документ:⁴

Предлагаем в действительные члены Общества Любителей Российской Словесности поэта Вячеслава Ивановича Иванова.

Согласие на баллотировку и адрес прилагается.

1915	А. Грузинский
апреля 25	И. Белоусов
	Л. Козловский

3. Избрание состоялось 31.X.1915. За Иванова было подано 8 избирательных и 1 неизбирательный голос. С тем же результатом были избраны в действительные члены С. Я. Елпатьевский и С. И. Гусев-Оренбургский, а в члены-сотрудники — Ю. М. Соколов, Б. М. Соколов, М. А. Цявловский — все единогласно. В голосовании приняли участие: Н. Л. Бродский, А. Е. Грузинский, А. И. Калишевский, Н. П. Кашин, Н. М. Мендельсон, И. Н. Розанов, В. Ф. Саводник, Н.П. Сидоров и Ю. А. Веселовский.⁵

4. Секретарь Общества Ю. А. Веселовский в письме В. И. Иванову от 5. XI. 1915 сообщил ему о состоявшем избрании (см. РО ГБЛ, ф. 109, к. 14, ед. хр. 25). Иванов ответил следующим письмом:⁶

Москва, Зубовский б<ульвар> 25
17 ноября 1915

Глубокоуважаемый Юрий Алексеевич,

В ответ на Ваше любезное уведомление от 5 ноября с<его> г<ода>, доставленное мне лишь сегодня, приношу через

⁴ К. 18, ед. хр. 48; документ — 18, ед. хр. 53.

⁵ К. 18, ед. хр. 50.

⁶ К. 32, ед. хр. 11. Это письмо было оглашено в заседании ОЛРС 25. XI. 1915 - см. к. 18, ед. хр. 51.

Ваше посредство выражение моей глубокой благодарности Обществу Любителей Российской Словесности за оказанную мне честь избрания в число действительных членов и изъявление моей готовности и желания служить, в качестве литератора, задачам Общества.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном почтении

Вячеслав Иванов

5. За несколько дней до прощального заседания ОЛРС (см. ниже протокол закрытой части этого заседания, пункт 3) В. И. Ивановым было составлено следующее обращение к Обществу:⁷

В Общество Любителей Российской Словесности.

³Отправляясь за границу с целью выполнения научных и художественных работ, а именно: завершения переводов Эсхиливых³ трагедий, написания монографии об Эсхиле и, наконец, перевода “Божественной комедии”, — прошу Общество Любителей <Российской> Словесности не отказать мне в командировке от своего имени на Запад, что существенно облегчило бы мне доступ ^ив книгохранилища и ученые круги заграницей, *ныне весьма затрудительный для русских граждан.*^и

12 мая 1920

Вячеслав Иванов

д<ействительный> член Общ<ества> Л<юбителей>
! <оссийской> Сл<овесности>

6. Наконец, последний и самый интересный документ, на типографском бланке ОЛРС при Императорском Московском Университете:⁸

⁷ К. 32, ед. хр. 12; старая орфография.

³⁻³ Против каждой из этих двух строк на правом поле выставлены “галочки” красным.

^{и-и} Против этой строки на правом поле выставлена “галочка” красным.

⁸ К. 19 ед. хр. 27. В прочих известных нам документах ОЛРС имя Иванова не упоминается, кроме как однажды: в заседании памяти Л. Андреева

Протокол

№ 6

Заседания 16 мая 1920 г.

Заседание состоялось в круглом зале Правления Университета под председательством А. Е. Грузинского, в присутствии врем<енного> предс<едателя> П. Н. Сакулина, почетного члена К. Д. Бальмонта, действительных членов: И. Н. Розанова, С. В. Шувалова, П. С. Когана, А. И. Калишевского, П. Н. Петровского, В. И. Иванова, В. Е. Чехихина-Ветринского, А. М. Михайловой, Л. Ф. Маклаковой, Г. Г. Шпет, А. А. Грушка, Е. М. Курц, Ю. М. Соколова, членов-сотрудников О. Э. Озаровской, Б. В. Томашевского, при секретаре Н.М. Мендельсоне и многочисленной публике.

По открытии заседания А. Е. Грузинский сообщил, что Обществу предстоит в скором времени расстаться с двумя поэтами — К. Д. Бальмонтом и В. И. Ивановым, отбывающими из России. Настоящее собрание — прощальное. К<онстантин> Д<митриевич> и В<ячеслав> И<ванович> поделятся с нами своими произведениями, а мы напутствуем их в дальнюю дорогу.

К. Д. Бальмонт^k произнес приблизительно следующую речь. Мне несколько странно слышать слова приветия в здании Московского Университета: Я был одним из самих плохих его студентов 80-х годов. Ошибся ли я в выборе факультета, чужд ли мне академический способ преподавания, — но я пробыл в Университете только два года и оставил его. Все умственные приобретения сделаны мною вне Университета. Тем не менее я связан с ним. Покойный профессор университета и председатель ОЛРС, Н. И. Стороженко, был моим

(24.10.1920) В. Л. Львов-Рогачевский вспомнил суждение Вяч. Иванова о “недовершенности” и “недосказанности” “Василия Фивейского”. На этом материал, в нашем распоряжении имеющийся, исчерпан.

^k К имени “К. Д. Бальмонт” на левом поле сделано примечание простым карандашом: “эмигрант”, тем же карандашом зачеркнутое. Кроме того, это имя взято в кружок красным; след карандаша расплылся, так что возникал вопрос, не слюнавил ли усердный цензор карандаша, чтобы подчеркнуть особую важность имени злостного эмигранта. Против строки с именем Бальмонта на правом поле выставлена красная “галочка”.

вторым отцом, умственным воспитателем. Женственность души и благородство рыцаря, ученость и гостеприимство отличали этого человека. От него приобрел я впервые филологические знания. Он не щадил для меня времени, и он же впервые дал мне возможность и внешним образом отдаться литературной деятельности. Вспоминая начало 90-х годов, думаешь с ужасом о том времени, о эпохе безлюдья, когда люди были так же редки, как цветы на морском берегу. ^ЛМежду тем временем и нашим — странный параллелизм, противоречие и сходство. Тогда и теперь — бесправие, и часто чувствуешь, что не к кому обратиться, когда душа кричит. Тем ^Лболее я счастлив, что меня и моего старшего брата В. Иванова ^Мтак дружески приветствуют. *Особый отдел ВЧК задерживает наш отъезд. Но мы уедем. Мы увидим вольную Италию, где люди дышат, где, созидая, перерабатывают, а не только ломают.* ^МИ в этом здании, где не взирая ни на что люди работали при ^Нтемпературе ниже 0°, с особой силой чувствуешь, что все преходяще, что рабий лик изменится, и наука снова будет свободна, как она была свободна в самые тяжелые времена прошлой жизни России. ^Н

Затем К. Д. Бальмонт прочел следующие свои переводы: три литовские песни (“Месяц”, “Денница”, “Садик”), две скандинавские народные песни (“Ты видела ли его, друга моего”, “В светлую летнюю ночь”) и древне-египетский гимн к Солнцу (4-й гимн Каирского папируса). В заключение К. Д. Бальмонт прочел “Венок сонетов” (“Адам”), посвященный В. И. Иванову, предпослав чтению приблизительно следующие слова. Если бы В. Иванов, говорил К<онстантин> Д<митриевич>, не написал своего “Венка сонетов”, не был бы написан и мой. В дружбе поэтов есть священная радость переклички зарниц. Созерцая зарницы, Тютчев говорил о беседе “демонов глухонемых”. Мы, поэты, тоже демоны, духи, призраки, но наши бессильные зарницы после переклички слагаются в молнии и бросают жемчужный дождь. Радостно перекликаться кукушке

^{Л-Л} На правом поле четыре строки отчеркнуты красным.

^{М-М} На правом поле четыре строки отчеркнуты сначала простым, потом красным. Слова “волную” и “дышат” взяты каждое в кружок красным.

^{Н-Н} На правом поле четыре строки отчеркнуты синим.

и соловью, и я помню ту радость, которую я испытал, когда мне впервые суждено было видеть орлиное гнездо поэта. Я помню — мы поцеловались и с той минуты стали братьями.

В. И. Иванов сказал, что первым его душевным движением было ответить К. Д. Бальмонту строками сонета, которым он благодарил когда-то своего брата. Но этого сонета нет со мной, говорил Вячеслав Иванович. Помню лишь, что в нем были слова: “Люблю тебя за то, что ты горюшь”, а кончался он словами: “Ты по цветам найдешь дорогу к раю”.

Затем В. И. Иванов прочел: три сцены из перевода “Агамемнона” Эсхила, “Надпись на воротах кладбища” Новалиса — фрагмент из 2 (ненапечатанной) части “Гейнриха фон Офтердингена”, на который впервые обратили внимание немецкие символисты во главе со Стефаном Георге и который, по словам переводчика, замечателен как своим мистическим эротизмом, так и особенностями инструментовки, основанной на глухих звуках; 12 зимних сонетов — последние из своих лирических произведений.

П. Н. Сакулин обратился к К. Д. Бальмонту и В. И. Иванову с речью приблизительно следующего содержания. К^константин^т Д^дмитриевич^ч и Вячеслав Иванович подарили нам несколько радостных минут, дали возможность побыть в золотом чертоге их творчества. И наша душа отзывно трепетала. Поэты считают небо своей родиной и человечество своей семьей. Но Москва имеет особое право на Бальмонта и В. Иванова. Юношами их видел в своих аудиториях Московский университет, и недаром К. Д. Бальмонт сегодня так тепло вспоминал о Н. И. Стороженко. В Москве началась поэтическая борьба Бальмонта, здесь поднялся он на ту высоту, откуда видны мировые грани. О В. И. Иванове есть соблазн даже говорить в терминах нашей старой^о идеологии. Эллин, жрец Диониса — он близок к нам. Дионис соперничает в нем с Аполлоном. Его гений раскрыт всему народному, и это он сказал также меткое слово о русском уме: русский ум “здорово мыслит о земле, в мистической купаясь мгле”. П^пЕго миро-

^{о-о} Против этой строки на правом поле выставлена “галочка” синим.

^{п-п} Против этих строк на правом поле выставлена “галочка” синим.

воззрение — новая фаза идеализма, которым жила славянофильская Москва, жили любо мудры. Здесь есть прямая генеалогия. В. Иванов — от славянофильства, К. Бальмонт^П — от западничества. Обе ипостаси, в которых сливается русский дух, сегодня налицо. Оба поэта выдержали долгую борьбу. Символизм слагался в Москве, и ОЛРС с гордостью внесло в ряды своих членов имена символистов. *Ураган революции не застал врасплох тех, кто верил в призывный клич “вперед”, — поэты шли вместе с народом. Теперь душа жаждет свободы и покоя, тишины интимного самоуглубления. Их душа — пилигримка. “Я всюду чужой”, “Я бродяга, топчущий поля”, — говорит про себя Бальмонт. Они снаряжаются в путь от наших “горящих зданий”. Там, на чужбине, они расскажут, как на севере восходит солнце свободы (вместо зачеркнутого “поэзии” - Н.К.), расскажут, чем мы живы и чем мы слабы. Они вернутся. Залог возвращения — в их любви к родной речи, к родной природе. Они переживут радость свидания с Москвой. “Да будет благополучен Ваш путь, и да будет светел Ваш возврат!” — закончил П. Н. Сакулин.*

А. Е. Грузинский прочел два своих стихотворения, обращенные к отъезжающим поэтам.

Г-н Дейнеке (гость) обратился к поэтам от лица семинария по изучению Пушкина. В лице В. И. Иванова, говорил г. Дейнеке, мы прощаемся с нашим руководителем, но и Р.К. Д. Бальмонт — наш наставник, яркий светоч нашего “лирического возрождения” и “нашего” возрождения в лирике. Я не касаюсь его значения в судьбах нашей лирики, но без него не было бы достигнуто многое и в изучении русского искусства. Движение, во главе которого стоял Бальмонт, давало нам новую красоту, и в то же время было откровением и в понимании красоты старой.^Р

Было бы смело указывать на работы пушкинского семинария, как на работы значительные в научном отношении. Одно можно сказать: роль В. И. Иванова в создании семинария является большой научной заслугой.

^{Р-Р} На правом поле восемь строк отчеркнуты синим; четыре строки (начиная со слова “значение” и до конца абзаца) кроме того отчеркнуты синим и по левому полю.

^СС грустью прощаемся мы с В<ячеславом> И<вановичем>. Мы теряем руководителя в тот момент, когда не все еще окрепло. Но то, что им сделано, не пройдет бесследно для русской науки.^С

^ТВ лице В<ячеслава> И<вановича> сочетались поэт и филолог с редкостно изощренной филологической критикой. Любой^Т подход к предмету изучения имел место в семинарии: и накопление фактов, и субъективные соображения. Но в том и в другом случае семинарий работал над отбором гадательного и установлением объективно-данного. В результате многостороннего освещения мы приходили к некоторому единству. По философским своим убеждениям В. И. всегда настаивал на изучении Пушкина в разных аспектах. Он учил нас, что основой метода изучения поэта должна быть философия, и что все поэты — платоники. С этими идеями подходили мы к поэзии Пушкина, и они оказались плодотворными. “Эллингство” Вячеслава Ивановича, его чувство и глубокое понимание античности дали возможность по-новому осветить вопросы об античной стихии в творчестве Пушкина. Это поднимало более широкую проблему — об античной традиции в русской литературе. Мы обещаем продолжить работу, начатую под руководством В. И. Иванова.

В закрытой части заседания происходило следующее: <...>

Заслушано заявление К. Д. Бальмонта и В. И. Иванова о том, ^Учто отправляясь за границу для научно-литературных занятий, ^Уони просят общество снабдить их соответствующими рекомендациями. Единогласно постановлено удовлетворить просьбу К. Д. Бальмонта и В. И. Иванова (рекомендации не обнаружены - Н. К.) <...>

Председатель А. Грузинский
Секретарь Н. Мендельсон

^{С-С} На правом поле абзац отчеркнут сначала простым, потом синим. Кроме того, последняя фраза абзаца (в оригинале — две строки) дополнительно отчеркнута синим.

^{Т-Т} На правом поле две строки отчеркнуты синим.

^{У-У} На правом поле строки отчеркнуты синим.

